

Люси Мод Монтгомери

ГОЛУБОЙ ЗАМОК

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)-44
М 77

Lucy Maud Montgomery
THE BLUE CASTLE. A TANGLED WEB.
KILMENY OF THE ORCHARD

Перевод с английского
Ольги Болговой и Татьяны Шушлебиной
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-29589-6

© О. В. Болгова, перевод, 2024, 2025
© Т. А. Шушлебина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Если бы то майское утро не выдалось дождливым, вся жизнь Валенсии Стирлинг сложилась бы иначе. Она вместе с семьей отправилась бы на пикник тети Веллингтон по случаю годовщины ее помолвки, а доктор Трент уехал бы в Монреаль. Но зарядил дождь, и сейчас вы узнаете, что из этого вышло.

Валенсия проснулась рано, в безжизненный, безнадежный предзвездный час. Она плохо спала, что неудивительно, если вам завтра исполнится двадцать девять лет, а вы не замужем и живете среди людей, убежденных, что незамужние девы сплошь неудачницы, не сумевшие заполучить мужчину.

Все в Дирвуде, не исключая Стирлингов, давно записали Валенсию в безнадежные старые девы. Но сама она никогда не оставляла надежды, пусть жалкой, стыдливой и слабой, на то, что романтическая история еще ожидает ее впереди, — вплоть до этого ужасного, дождливого утра, когда Валенсия проснулась с мыслью, что ей уже двадцать девять и она не нужна ни одному мужчине.

Да, именно последнее обстоятельство и ранило ее, как ядовитое жало. Валенсия не слишком переживала из-за своего незамужнего положения. В конце концов, считала она, участь старой девы ничуть не горше брачного союза с дядей Веллингтоном, дядей Бенджамином или даже дядей Гербертом. Ее терзало иное — отсутствие выбора. Ни один мужчина никогда ее не желал.

Она лежала одна в бледно-сером сумраке, едва сдерживая слезы. Дать им волю Валенсия не смела по двум причинам.

Прежде всего, она страшилась нового сердечного приступа (один уже случился, когда она легла спать, и был хуже всех прежних). А кроме того, она боялась, что, заметив за завтраком красные, заплаканные глаза дочери, мать замучает ее назойливыми, как гнус, расспросами, выпытывая причину.

«Предположим, — подумала Валенсия, мрачно усмехнувшись, — я выложу чистую правду: „Плачу, потому что не могу выйти замуж“. В каком ужасе будет мама, хоть она и стыдится своей никчемной дочери, старой девы».

Нет, нельзя забывать о приличиях. «Воспитанные девушки, — Валенсия почти слышала строгий, назидательный голос матери, — не думают о мужчинах».

Возникшая в мыслях картина вызвала смех — у Валенсии имелось чувство юмора, о чем никто из семейства даже не подозревал. По правде говоря, у нее было множество интересных качеств, о которых также никто не имел понятия. Но смех вышел невеселым. Маленькая, потерянная, она лежала, слушая дождь, шумящий за окном, и с болезненным отчаянием наблюдая, как бездушный утренний свет вползает в ее уютную комнату.

Уродство этой комнаты она выучила наизусть. Желтый крашенный пол, связанный крючком отвратительный прикроватный коврик, с которого на нее каждое утро скалился нелепый вязаный пес. Выцветшие темно-красные обои, потолок в потеках и трещинах. Неудобный, маленький и узкий умывальник. Коричневый ламбрекен¹ с фиолетовыми розами. Треснувшее поперек старое, мутное зеркало на дряхлом туалетном столике. Банка с пахучими травами, собранными матерью бог весть когда, в ее ставший древним преданием медовый месяц. Шкатулка с отбитым углом, старательно обклеенная ракушками кухней Стиклс в столь же незапамятном детстве этой последней. Расшитая бусинами подушечка для иголок — половина бусин потеряна. Жесткий желтый стул и выцветший от старости девиз: «Ушедшие, но не забытые», вышитый разноцветной пряжей над сморщенным

¹ Ламбрекен — декоративная полоса, украшающая оконные и дверные проемы.

лицом прабабушки Стирлинг. Старые фотографии древних родственников, сосланные наверх из нижних комнат. Литография с изображением щенка, сидящего на крыльце под дождем. Эта картинка всегда вызывала грусть. Бедный маленький песик на ступеньке под дождем! Почему никто не откроет дверь и не впустит его? Вылинявшее паспарту обрамляло гравюру с королевой Луизой¹, спускающейся по лестнице. Эту картинку тетя Веллингтон милостиво подарила Валенсии на десятый день рождения. Девятнадцать лет та смотрела на Луизу и ненавидела эту красивую, чопорную, самовлюбленную королеву, но так никогда и не осмелилась избавиться от нее. Мама и кузина Стиклс не на шутку рассердились бы или, как втайне называла это непочтительная Валенсия, закатили бы истерику.

Впрочем, ни одна комната в доме не могла похвастать красивым убранством. Лишь внизу кое-как соблюдалась видимость достоинства. Для мест, которых никто не видел, не хватало средств. Валенсия иногда думала, что могла бы и сама что-то сделать со своей комнатой, даже не имея денег, если бы ей только позволили. Но мать отвергала любое робкое предложение, а Валенсия не настаивала. Она никогда не настаивала. Она боялась. Ее мать не допускала возражений. Обидевшись, миссис Стирлинг могла дуться неделями, сохраняя вид оскорбленной герцогини.

Единственное, чем комната нравилась Валенсии, — это возможностью уединяться по ночам, чтобы поплакать, если приходило такое желание. В конце концов, какая разница, уродлива или нет комната, где ты всего-навсего спишь и одеваешься? Просто так побыть одной Валенсии не позволялось. За стремлением остаться в одиночестве, считали миссис Фредерик Стирлинг и кузина Стиклс, всегда скрывается некая предосудительная цель. Зато покои Валенсии в Голубом замке были такими, какой должна быть настоящая комната.

¹ Возможно, речь идет о Луизе Мекленбургской (1776–1810), супруге прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Валенсия, которая в жизни шагу не смела ступить свободно, с которой привычно не считались, которую походя оскорбляли, не знала удержу в прекрасных мечтах. Никто из клана Стирлингов или его ответвлений не подозревал об этом, а меньше всех — ее мать и кузина Стиклс. Они ведать не ведали, что Валенсия обретается не только в уродливом краснокирпичном доме на улице Вязов, но и в Голубом замке под небом Испании.

В этом воображаемом замке Валенсия жила очень давно. С тех самых пор, как она впервые оказалась там крошкой, она видела, стоило лишь закрыть глаза, окутанные чарующей бледно-голубой дымкой башенки и стяги, реющие над заросшей соснами горой, на фоне закатного неба прекрасной незнакомой страны. Все здесь было удивительно и красиво.

Драгоценности, достойные королев, драпировки из огня и лунного света, кушетки, затканые розами и золотом. Длинные марши пологих мраморных лестниц, украшенных белыми вазами, и стройные девы, невесомыми тенями сходящие и восходящие по ним. Укромные внутренние дворики-патио в окружении мраморных колонн, где журчат фонтаны и соловьи поют среди миртов. Зеркальные залы, чьи стены множат отражения рыцарей (разумеется, только прекрасных, и никаких более) и дам, исключительных красавиц, — и ее, разумеется, первейшей из всех, за чей взгляд умирали мужчины. Надежда ночью ускользнуть в свою мечту поддерживала Валенсию среди скуки дней. Большинство Стирлингов, если не все они, умерли бы от ужаса, узнав хоть малую долю того, чем занималась Валенсия в своем Голубом замке.

Во-первых, у нее сменилось несколько возлюбленных. О, разумеется, она не делила свою привязанность между многими, храня верность одному избраннику. Тому, что добивался ее с романтическим, рыцарским пылом и долгой неизменной преданностью и ждал у алтаря в великолепной, украшенной семейными штандартами часовне Голубого замка.

В двенадцать лет сердце Валенсии принадлежало златокудрому и голубоглазому юноше, открытому и простодушному. К пятнадцати годам избранник (разумеется, все такой же красивый) заметно вытянулся, наивный румянец сошел

с его щек, обрамленных теперь уже темными локонами. В двадцать он сделался мечтательным, возвышенным аскетом. В двадцать пять обзавелся упрямым, чисто выбритым подбородком и легкой усмешкой, став скорее грубовато-суровым, нежели вкрадчиво-обольстительным. На двадцати пяти годах Валенсия остановилась — в замке она всегда оставалась двадцатипятилетней, что же касается ее героя, то он недавно (совсем недавно) заполучил рыжеватые волосы, кривую улыбку и загадочное прошлое.

Только не подумайте, будто Валенсия убивала своих возлюбленных. Просто с появлением следующего предыдущий как-то сам собой исчезал.

Однако в то судьбоносное утро ключ от Голубого замка куда-то задевался. Жизнь слишком сильно запугала Валенсию, твякая и наскакивая на нее, подобно взбесившейся собачонке. Ей стукнуло двадцать девять, она была одинока, нежеланна, нелюбима — скромная представительница большого клана старых дев без прошлого и будущего. Оглядываясь назад, она видела лишь беспросветную серость без единого цветного пятнышка. И впереди простиралось все то же. Она была пожухлым листом, прилипшим к замерзшей ветви. Этот миг, когда женщина осознаёт, что ей не для чего жить, что нет ни любви, ни долга, ни цели, ни надежды, имеет горький привкус смерти.

«Но мне придется брести по жизни дальше, потому что я не могу просто взять и остановиться. Возможно, мне суждено жить с этим до восьмидесяти лет, — подумала она почти в панике. — Мы все жуткие долгожители. Меня с души воротит при одной мысли об этом».

Она была рада дождю. В такую погоду не устроят пикник, которым тетя и дядя Веллингтон (их упоминали именно в такой последовательности) вот уже тридцать лет ежегодно отмечали свою помолвку. В последние годы он стал для Валенсии настоящим кошмаром. Она имела несчастье родиться в тот же день, и после рокового двадцатипятилетия каждый в семье считал своим долгом напомнить, что она перевалила сей роковой рубеж.

Пикник она ненавидела всем сердцем, но ей и в голову не приходило протестовать. Казалось, в ее природе нет ничего мятежного. А ведь она точно знала, *что* ей скажут на пикнике. Дядя Веллингтон, которого Валенсия не любила и презирала, пусть он и сумел «жениться на деньгах» (высшая заслуга в глазах Стирлингов), спросит хриплым шепотом: «Еще не надумала выйти замуж, дорогая?» — и удалится с хохотом, которым неизменно заключает свои глупые реплики. Тетя Веллингтон, внушавшая Валенсии жалкий трепет, станет расписывать новое шифоновое платье кузины Оливии и пересказывать последнее письмо ее преданного жениха Сесила. И надо будет восхищаться (как платьем, так и письмом), проявлять искренний интерес, словно и то и другое принадлежит ей, иначе тетя Веллингтон обидится. А тетю лучше не гневить. Валенсия давно решила, что лучше обидеть Бога, чем тетю Веллингтон, потому что Бог может простить, а тетя — никогда.

Тетя Альберта, невероятно толстая, с занятой привычкой всегда называть своего супруга «он», словно единственное существо мужского пола на свете, никогда не забывающая, что в молодости была писаной красавицей, посочувствует Валенсии по поводу желтоватого тона ее кожи: «Не знаю, почему все современные девицы такие смуглые. У меня в молодости кожа была кремово-розовой. Я считалась самой красивой девушкой в Канаде, дорогая».

Возможно, дядя Герберт не скажет ничего — или, может быть, шутливо заметит: «Как ты растолстела, Досс!» И все засмеются, потешаясь над тем, что бедная худышка Досс все никак не поправится.

Красивый важный дядя Джеймс, кого Валенсия не любила, но поневоле уважала как человека по общему признанию неглупого и потому выбранного на роль семейного оракула (Стирлинги не были особо обременены мозгами), вероятно, заметит с глубокомысленным сарказмом, которым заработал свою репутацию: «Полагаю, ты сейчас занята своим приданым?»

А дядя Бенджамин, хрипло посмеиваясь, загадает несколько своих гадких загадок и сам же ответит на них: «В чем раз-

ница между Досс и мышью? Мышь желает поесть масла, а Досс — умаслить едока»¹.

Выслушивая его загадки в очередной раз (пятидесятый, наверное), Валенсия неизменно боролась с желанием бросить в него чем-нибудь. Но никогда ничего такого себе не позволяла. Во-первых, Стирлинги вещами не бросались, а во-вторых, воспитанная в страхе перед богатым и бездетным вдовцом и уважении к его деньгам, Валенсия не посмела бы обидеть дядю. Ведь он запросто может вычеркнуть ее из завещания — предполагалось, что она туда вписана. Быть вычеркнутой Валенсия никак не хотела. Она всю жизнь была бедна и знала унижительную горечь нужды. Поэтому терпела загадки дяди и даже натужно им улыбалась.

Тетя Изабель, откровенная и суровая, как восточный ветер, всегда распекала ее, причем предугадать, за что удостоится укоризны, Валенсия не могла. Тетя никогда не повторялась, искусно выискивая повод для укола. Изабель гордилась своим прямодушием — она всегда говорит то, что думает. Правда, не ценила этой черты в других, поэтому Валенсия держала свои мысли при себе.

Кузина Джорджиана, которая унаследовала имя своей прапрабабушки, названной в честь короля Георга IV, скорбно перечислит имена родственников, умерших со времени последнего пикника, и поинтересуется, «кто из нас будет следующим».

Угнетающе мудрая тетя Милдред будет разливаться соловьем, толкуя о своем муже и своих чудо-детях, потому что только одна Валенсия и готова ее слушать. По той же причине кузина Глэдис (на самом деле двоюродная кузина, согласно строгой системе, по которой Стирлинги распределяли свою родню), высокая, худощавая леди с ранимой душой, примется во всех утомительных подробностях описывать муки, кои причиняет ей воспаление нервов. А Оливия, гордость семейства Стирлинг, щедро наделенная всеми дарами,

¹ Этот каламбур дяди Бенджамина основан на игре слов «harm the cheese» и «charm the he's».

которыми обойдена Валенсия: красотой и успехом у сильного пола, выставит напоказ свои достоинства и бриллиантовый знак любви перед ослепленным, завистливым взглядом неудачницы.

И вот — о счастье! — ничего из этого сегодня не произойдет. И Валенсия будет избавлена от упаковки чайных ложек. Эта обязанность всегда возлагалась на нее и кузину Стиклс. Однажды, шесть лет назад, пропала серебряная ложечка из свадебного набора тети Веллингтон. С тех пор Валенсии вечно о ней напоминали. Призрак ложки, словно Банко¹, витал над каждым следующим семейным праздником.

О да, точно зная, каким будет пикник, Валенсия благословляла спасительный дождь. В этом году, слава Господу, пикника вообще не будет. Лишившись возможности отпраздновать священный день, тетя Веллингтон отменит праздник. Благодаренье всем богам за такую милость!

Если дождь прекратится, решила Валенсия, она пойдет в библиотеку за следующей книгой Джона Фостера. Романы ей читать не позволяли, но Джон Фостер романов и не писал. Его коньком были «книги о природе», как сказала библиотекарь в беседе с миссис Фредерик Стирлинг, «о лесах, птицах, жуках и прочей живности». Поэтому Валенсия получила-таки материнское согласие, пусть и неохотное, поскольку было очевидно, что книги ей непозволительно нравятся. Позволительным, даже похвальным считалось чтение, добавляющее ума и укрепляющее в благочестии, но книги, приносящие удовольствие, слыли опасными. Валенсия не знала, прибавляет ли чтение ей ума или нет, но смутно ощущала, что, узнай она о книгах Фостера год назад, ее жизнь, возможно, стала бы иной. Ей казалось, что книги эти рисуют перед ней мимолетные картины мира, где она, вероятно, когда-то бывала, хотя теперь дверь туда закрыта. Сочинения Джона Фостера появились в дирвудской библиотеке лишь недавно, но библиотекарь сказала Валенсии, что автор известен уже несколько лет.

¹ Банко — персонаж трагедии Шекспира «Макбет», военачальник, убитый Макбетом. Призрак Банко является Макбету на пиру.

— Где он живет? — спросила Валенсия.

— Никто не знает. Судя по книгам, он, должно быть, канадец, но больше ничего о нем не известно. Его издатели молчат. Вполне вероятно, Джон Фостер — литературный псевдоним. Его книги сейчас так популярны, что их сразу разбирают, хотя, честно говоря, не понимаю, что в них такого особенного.

— Я думаю, они чудесны, — тихо сказала Валенсия.

— Ну конечно. — Мисс Клаксон покровительственно улыбнулась, как обычно отправляя мнение Валенсия на свалку. — Не могу сказать, что мне нравятся жуки. Но Фостер, определенно, знает о них все.

Валенсия понятия не имела, любит ли жуков она сама. Ее привлекало отнюдь не удивительное знание Джона Фостера о жизни диких существ. Она едва ли могла объяснить свои чувства. Манящая прелесть нераскрытой тайны, тени великих откровений, слабое, иллюзорное эхо прекрасных забытых вещей — магия Джона Фостера не поддавалась определению.

Да, она возьмет новую книгу Фостера. Прошел уже месяц с тех пор, как она прочитала «Урожай чертополоха», поэтому мама не будет возражать. Валенсия прочла эту книгу четыре раза и знала каждую главу наизусть.

А потом она вдруг подумала, что пойдет к доктору Тренту расспросить насчет странной боли в сердце. В последнее время приступы повторялись слишком часто, сердцебиение пугало, не говоря уже о головокружении и одышке. Но как отправиться к врачу, ни слова никому не сказав? Это была очень смелая мысль. Никто из Стирлингов никогда не обращался за медицинской помощью, не собрав прежде семейный совет и не получив одобрения дяди Джеймса. Более того, они все лечились у доктора Амброза Марша из Порт-Лоуренса, женатого на троюродной кузине Аделаиде Стирлинг.

Валенсии не нравился доктор Амброз Марш. Да и добратся самостоятельно до Порт-Лоуренса, находящегося в пятнадцати милях от дома, она не могла. Валенсия не хотела, чтобы кто-то узнал о ее сердечном недомогании. Поднимется

суматоха, сбежится вся родня, все станут обсуждать ее недуг на разные лады, давать советы, предостерегать и рассказывать ужасные истории о пратетках и кузинах до седьмого колена, с которыми произошло «нечто подобное» и которые «внезапно скончались, моя дорогая».

Тетя Изабель вспомнит, как всегда твердила, что у Досс могут быть неполадки с сердцем: она «такая зажатая и изможденная». Дядя Веллингтон примет болезнь как личное оскорбление, ведь Стирлинги «никогда не знали сердечных хворей». Джорджиана запричитает, что «бедная маленькая Досс недолго проживет на этом свете», а кузина Глэдис скривится: «Ну и что, со мной уже много лет происходит то же самое», как будто больше ни у кого, кроме нее, нет сердца. А Оливия — Оливия явится во всем цветении великолепной красоты, возмутительно здоровая, словно заявляющая одним своим видом: «Что за суету вы затеяли вокруг этой увядшей Досс? К чему это все, когда есть я?»

Валенсия знала, что не может ни с кем поделиться своей тайной. Не стоит даже пытаться. К тому же она была почти уверена, что ничего особо серьезного с ее сердцем не происходит. Лучше избежать куриного кудахтанья, которое вызовет ее сообщение. Она просто тихонько ускользнет и посетит доктора Трента. А счет оплатит из двухсот долларов, положенных ее отцом в банк в день, когда она родилась. Она тайно возьмет деньги. Ей никогда не позволяли воспользоваться даже процентами.

Доктор Трент, грубоватый, откровенный, рассеянный старик, слыл признанным авторитетом по части сердечных болезней, хотя и практиковал только в Дирвуде. Ему было семьдесят, ходили слухи, что он намеревается уйти на покой. Никто из Стирлингов не лечился у него с тех пор, как десять лет назад он сказал кузине Глэдис, что она выдумала свое воспаление нервов. Разве можно прибегать к услугам врача, который столь беспардонно оскорбил вашу двоюродную кузину? К тому же он был пресвитерианцем, в то время как все Стирлинги посещали англиканскую церковь. Но Валенсия, выбирая между скандалом из-за неверности клану и бездной суматохи, болтовни и советов, предпочла первое.

ГЛАВА 2

Когда в ее дверь постучалась кузина Стиклс, Валенсия знала, что уже половина восьмого и надо вставать. С тех пор как она себя помнила, это неизменно случалось в половине восьмого. Кузина Стиклс и миссис Фредерик вставали к семи, но Валенсии было позволено понежиться в кровати еще полчаса, потому что домашние считали ее слабенькой. И Валенсия поднялась, хотя этим утром вставать с постели ей не хотелось сильнее обычного. Для чего? Ради еще одного тусклого дня, заполненного бессмысленными, мелкими делами, безрадостного, ничего не значащего, не приносящего никому пользы? Но если сейчас не встать, она не успеет к завтраку. В доме миссис Фредерик свято соблюдалось раз и навсегда установленное время трапез: завтрак в восемь утра, обед в час дня, ужин в шесть вечера, год за годом, день за днем. Никаких извинений для опоздавших. Поэтому Валенсия, дрожа, выбралась из постели.

Было очень зябко, холод сырого майского утра проник в комнату. Весь день в доме будет холодно. Миссис Фредерик взяла за правило не топить после двадцать четвертого мая. Для приготовления еды разжигали маленькую керосиновую плиту на заднем дворе. И пусть даже май был ледяным, а в октябре ударяли морозы, печи не топили до двадцать первого октября, когда миссис Фредерик начинала готовить на кухне, а в гостиной по вечерам разжигала огонь в камине. Между собой родня судачила, что из-за этих правил покойный Фредерик Стирлинг и подхватил простуду, сведшую его в могилу, когда Валенсии не было еще и года. Миссис Стирлинг разожгла огонь на следующий день, но для ее мужа это было слишком поздно.

Сняв и повесив в шкаф ночную рубашку из грубого неотбеленного холста, с высоким воротом и узкими рукавами, Валенсия надела такое же далекое от изысков нижнее белье, хлопчатобумажное платье в коричнево-белую клетку, толстые черные чулки и ботинки на резиновой подошве. В последнее время она привыкла укладывать волосы при зана-

вешенном окне, глядя в затененное зеркало, чтобы не всматриваться с огорчением в черты своего лица. Но в это утро она вздернула рулонную штору на самый верх и взглянула в зеркало, словно изъеденное проказой, со страстной решимостью увидеть себя такой, какой ее видел мир.

Результат оказался неутешительным. Даже красавица посчитала бы безжалостным столь резкий, яркий свет. Черные волосы, короткие и тонкие, выглядели тусклыми, хотя каждый вечер она проводила по ним щеткой по сто раз, ни больше ни меньше, и честно втирала в корни бальзам Редферна для роста шевелюры. Этим мрачным утром они показались Валенсии тусклее обычного. Прямые и тонкие черные брови. Нос слишком мелкий даже для ее блеклого треугольного лица. Маленький бесцветный рот, всегда чуть приоткрытый. Зубы, правда, ровные и белые, а вот фигура... Худая, плоскогрудая. И рост намного ниже среднего. Каким-то чудом ей удалось избежать семейной скуластости, а темно-карие глаза, слишком мягкие и матовые, чтобы казаться черными, были почти по-восточному раскосы.

«Если не считать глаз, я не красавица и не уродина — просто невзрачная дурнушка», — горько заключила она. О этот безжалостный свет... Как резко он выделил морщинки у глаз и рта! Никогда еще ее узкое бледное лицо не выглядело настолько узким и бледным.

Она уложила волосы валиком в стиле «помпадур». Прически а-ля Помпадур давно вышли из моды, но были в почете, когда Валенсия впервые уложила волосы, и тетя Веллингтон посчитала, что племянница всегда должна так причесываться.

«Тебе только это и подходит. У тебя слишком маленькое лицо, а валик его увеличивает», — изрекла тетя Веллингтон. Она и самые простые вещи провозглашала, как глубокие, важные истины.

Валенсия предпочла бы спустить волосы ниже на лоб и прикрыть уши пышными прядями, как Оливия, однако над ней довлело авторитетное мнение тети Веллингтон, не позволяя изменить прическу. Она не смела сделать это, как, впрочем, и многое другое.

«Всю жизнь я чего-то боялась», — горько подумала она. Боялась с тех самых пор, как помнила себя (например, ее до жути пугал большой черный медведь, обитавший, по уверениям кузины Стиклс, в кладовке под лестницей).

«И всегда буду бояться. Никогда не смогу справиться с собой. Не узнаю, каково это — быть смелой».

Она страшилась материнских припадков угрюмости. Боялась обидеть дядю Бенджамина. Заранее ежилась от оскорблений тети Веллингтон, язвительных реплик тети Изабель, неодобрения дяди Джеймса. Не смела противостоять мнениям и предрассудкам семьи, нарушить приличия, говорить что думает. Трепетала перед нищей старостью. Страх, страх, страх — ей никогда не сбежать от него. Он связал и опутал ее стальной паутиной. Только в своем Голубом замке она находила временное избавление от страха. Но в это утро Валенсия больше не верила в Голубой замок. Ей никогда уже туда не попасть. Двадцать девять лет — и не замужем, нежеланная. Что ей делать в сказочных владениях? Раз и навсегда она выбросит эту детскую чушь из головы и решительно взглянет в лицо реальности.

Отвернувшись от беспощадного зеркала, Валенсия посмотрела в окно. Открывавшийся из него безобразный вид угнетал до боли: за покосившимся забором, в соседнем дворе, полуразрушенная вагонная мастерская, обклеенная грубыми, дико раскрашенными рекламными плакатами; вдали маячит закопченное здание железнодорожной станции, где даже в этот ранний час слоняются жуткие бродяги. В потоках дождя пейзаж казался безотрадным, как никогда; особенно резала глаз реклама, призывавшая «сохранить цвет лица, как у школьницы». Это было просто невыносимо. Нигде ни проблеска красоты. «Совсем как в моей жизни», — мрачно подумала Валенсия. Но этот всплеск горечи быстро пошел на убыль. Она примирилась с тем, что видит, покорно приняла все как есть, по всегдашнему своему обыкновению. Что же поделаешь? Она одна из тех, кто неизменно остается на обочине жизни, пролетающей мимо. И ничего тут не изменить. В таком вот настроении Валенсия и спустилась к завтраку.

ГЛАВА 3

К завтраку всегда подавали одно и то же: овсянку, которую Валенсия ненавидела, и чай с тостом и ложечкой джема. Две ложки в глазах миссис Фредерик выглядели пустым расточительством, но Валенсия не роптала: она ненавидела и джем. В холодной и мрачной столовой холода и мрака словно бы прибавилось. За окном потоками лил дождь. Со стен, из скверных золоченых рам, шире самих портретов, сурово взирали ушедшие в мир иной Стирлинги. А кухня Стиклс — подумать только — еще и пожелала Валенсии, чтобы этот день повторялся и повторялся!

— Сядь прямо, Досс, — только и сказала ей мать.

И Валенсия, послушно выпрямив спину, поддерживала обычные разговоры, которые вели за столом. Она никогда не задавалась вопросом, *что* произошло бы, вздумайся ей заговорить о чем-то другом. Она просто знала. Поэтому никогда этого не делала.

Обиженная на Провидение, пославшее дождь в тот день, когда она предвкушала пикник, мать поглощала свой завтрак в скорбном молчании, за которое Валенсия была ей весьма признательна. Но Кристин Стиклс, как обычно, ныла, жалуясь на все и вся: погоду, течь в кладовке, цены на овсянку и масло (Валенсия тотчас подумала, не слишком ли щедро намазывает свой тост) и эпидемию свинки, вспыхнувшую в Дирвуде.

— Досс обязательно подцепит ее, — пророчествовала кухня.

— Досс не должна ходить туда, где может заразиться свинкой, — вынесла вердикт миссис Фредерик.

Валенсия никогда не цепляла ничего заразного: ни свинки, ни коклюша, ни ветрянки, ни кори. Не болела ничем, кроме тяжелых простуд каждую зиму. Зимние простуды Досс стали притчей во языцех среди родни. Ничто, казалось, не могло защитить ее. Миссис Фредерик и кухня Стиклс сражались с хворами Валенсии изо всех сил. Один раз с ноября по май не выпускали ее из теплой гостиной. Даже в церковь

ходить не позволяли. И что же? Валенсия подхватывала простуду за простудой и закончила бронхитом в июне.

— В *моей* семье никогда такого не бывало, — объявила миссис Фредерик, намекая, что это, должно быть, прискорбная склонность Стирлингов.

— Стирлинги редко простужаются, — обиженно заметила кузина Стиклс, которая принадлежала именно к этой ветви рода.

— Я считаю, — пошла на попятную миссис Фредерик, — что если человек решит не простужаться, то никаких простуд у него не будет.

Таким образом, причина была найдена: Валенсия сама во всем виновата.

Но особенно невыносимым в то утро ей показалось собственное прозвище — Досс. Двадцать девять лет она его терпела и вдруг поняла, что больше не может. При крещении ее нарекли Валенсией Джейн. Ужасное сочетание, но первое имя ей нравилось. Оно имело затейливый заморский привкус. Оставалось загадкой, как Стирлинги позволили окрестить подобным образом ребенка. Ей рассказывали, что имя Валенсия выбрал для нее дедушка по матери, старый Эймос Венсбарра. Отец присоединил свой цент, добавив более традиционное Джейн. А затем семейство нашло выход из положения, прозвав девочку Досс. Никто, кроме чужих, не называл ее Валенсия.

— Мама, — неуверенно произнесла она, — ты не против называть меня Валенсия? Имя Досс такое... такое... Мне оно не нравится.

Миссис Фредерик изумленно воззрилась на дочь сквозь очки с толстыми линзами, которые делали ее взгляд особенно неприветливым.

— А что не так с Досс?

— Это имя кажется слишком... детским, — пробормотала Валенсия.

— О! — Улыбки были не в ходу у миссис Фредерик, как и у всех в семье Венсбарра. — Понимаю. Кстати, оно очень тебе подходит. Честно говоря, ты все еще ребенок, мое дорогое дитя.

— Мне двадцать девять лет, — в отчаянии воскликнуло «дорогое дитя».

— На твоём месте я бы не кричала об этом на каждом углу, — посоветовала миссис Фредерик. — «Двадцать девять»! Когда мне исполнилось столько, я была замужем уже девять лет.

— А я вышла замуж в семнадцать, — гордо добавила кузина Стиклс.

Валенсия украдкой взглянула на них. Миссис Фредерик, несмотря на ужасные очки и крючковатый нос, который делал ее похожей на попугая больше, чем саму птицу, вовсе не выглядела уродливой. В свои двадцать она, возможно, была довольно симпатичной. Но кузина Стиклс! Удивительно, что нашелся мужчина, которому она понравилась. Валенсия подумала, что кузина Стиклс, с ее широким, плоским, морщинистым лицом, с родинкой на кончике короткого носа, щетиной на подбородке, желтой морщинистой шеей, выцветшими глазами навывкате, складками у тонкого рта, все же имела перед ней преимущество — право смотреть сверху вниз. И кузина была нужна миссис Фредерик. Валенсия с горечью размышляла о том, каково это — быть кому-то необходимым, быть желанным. Она вот не нужна никому на свете, и, случись ей исчезнуть, никто не скучал бы по ней. Она стала разочарованием для своей матери. Никто ее не любит. У нее никогда даже не было подруги.

«Я лишена даже дара дружбы», — горестно призналась она самой себе.

— Досс, ты не доела свой тост, — укорила миссис Фредерик, указывая на малоаппетитные корки.

Дождь лил без остановки до полудня. Валенсия шила лоскутное одеяло. И до чего же она ненавидела это занятие. Никому не нужные, заплонившие дом одеяла! Три больших сундука на чердаке были забиты ими до краев. Миссис Фредерик начала копить одеяла, когда Валенсию исполнилось семнадцать, и не оставляла своих стараний, даже заподозрив, что они вряд ли понадобятся. Дочь должна была трудиться, а нитки и канва для вышивания стоили слишком дорого.

Монтгомери Л.

М 77 Голубой замок : романы, повесть / Люси Мод Монтгомери ; пер. с англ. О. Болговой, Т. Шушлебиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-29589-6

Канадская писательница Люси Мод Монтгомери (1874–1942) известна во всем мире как автор книг о девочке Анне из Зеленых Мезонинов. В настоящее издание вошли два ее самых популярных романа для взрослых читателей, а также — в новом переводе — повесть «Килмени из фруктового сада».

«Голубой замок» — вдохновляющая история любви и преображения «безнадежной старой девы» Валенсии Стирлинг, ведущей скучное существование в окружении надоедливой родни. В двадцать девять лет Валенсия узнает, что жить ей осталось не больше года, и принимает решение вырваться из плена однообразных будней навстречу неведомой судьбе.

В центре романа «В паутине» — два старинных семейства, проживающих на острове Принца Эдуарда. Однажды тетушка Бекки, глава обоих кланов, собрала многочисленную родню, чтобы огласить последнюю волю. Разумеется, на встречу явились все, поскольку не было на острове такого человека, который не мечтал бы заполучить ее старинный кувшин — дорогую реликвию, окруженную романтическим ореолом. Однако завещание тети Бекки привело всех в замешательство...

В повести «Килмени из фруктового сада» рассказана история любви богатого выпускника колледжа и немой девушки-сироты, хранящей тайну своего прошлого.

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)-44

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ ГОЛУБОЙ ЗАМОК

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Лариса Ершова, Ульяна Смирнова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.06.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-I LN-38715-01-R